

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 821.161.1.09+398.2:82-224+82-7

ББК 83.002.10+83.3(2=411.2)4

Б53

DOI: 10.53598/2410-3489-2023-2-317-41-49.

Своеобразие скоморошества как искусство смеха в русском народном фольклоре

Лариса Петровна Бессонова¹, Юлия Арамбиевна Ашинова²

^{1,2}Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,

¹larisabessonova@rambler.ru, ²partner@mail.ru

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы, связанные со скоморошеством как об уникальном явлении в культурно-исторической реальности и важнейшем элементе русского устного народного поэтического творчества. Анализируются истоки скоморошества, различные факторы, способствовавшие его развитию на протяжении ряда веков. Прослеживаются особенности новаторского мастерства скоморошества, связанные с литературными, театральными и музыкальными жанровыми формированиями. Комплексный подход и опора на достаточно обширную научную литературу помогают уточнить понятия, относящиеся к поставленной теме и сформулировать обоснованные выводы об идейно-эстетическом содержании скоморошества как уникального явления смеховой культуры.

Ключевые слова: скоморошество как явление смеховой культуры, фольклорные жанры, образы скоморохов в древнерусской литературе, смеховая культура, обличение лжи и несправедливости, мастерство скоморошества, факторы формирования скоморошества.

Для цитирования: Бессонова Л.П., Ашинова Ю.А. «Своеобразие скоморошества как искусство смеха в русском народном фольклоре» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2023. Вып. 2 (317). С. 41-49. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-2-317-41-49.

Original Research Paper

The originality of being a skomoroch as the art of laughter in Russian folklore

Larisa P. Bessonova¹, Yulia A. Ashinova²

^{1,2}Adyghe State University, Maykop, Russia,

¹larisabessonova@rambler.ru, ²partner@mail.ru

Abstract:

The article aimed to study the work of skomorochs (minstrels) and their influence on the lifestyle of the people in Russia. The relevance of the study lies in the expansion of literary and historical knowledge of being a skomoroch in order to understand the history of culture of laughter. The study analyzes the folklore (works of calendar and ritual poetry, skomorochs, epics, fairy tales) and identifies the monuments of

ancient Russian literature, in which one can see the attitude of the people and the authorities to skomorochs at various stages of history. The significance of their creative activity in the public life of the people, as well as in the choice of moral principles, is determined. It is traced how the attitude of representatives of the ruling class and the church to skomorochs changed, which led to the appearance of new forms in folklore: spectacular theatrical performances. Their peculiarities are shown on the example of the folk drama “The Imaginary Gentleman”.

Keywords: being a skomoroch, folklore genres, images of skomorochs in ancient Russian literature, culture of laughter, public life of the people, accusers of lies and injustice.

For citation: Bessonova L.P., Ashinova Yu. A. The originality of being a skomoroch as the art of laughter in Russian folklore // Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2023. No.2 (317). P. 41-49. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-2-317-41-49.

Введение.

«Забытое ремесло» — так сегодня часто называют творчество скоморохов. Точное значение слова скоморох до сих пор точно не выяснено. Одни учёные-филологи считают, что оно произошло от арабского слова *масхара* (А. Веселовский), означающего «насмешник», другие утверждают, что от византийского *скомарх* (Я. Грот) — мастер смехотворчества, третьи — от русских слов *скора* и *мех* (Н. Кондаков), что обозначает — «ряженый зверем». В словаре В.И. Даля скоморох — это музыкант, дудочник, сопельщик, гудочник, волынщик, гуслиар; промышленяющий этим, и пляской, песнями, шутками, фокусами; потешник, ломака, гаер, шут; зап. медвежатник; комедиант, актёр и пр. [1:187]. С.И. Ожегов помимо вышеназванных значений добавляет к этому переносное — несерьёзный человек, потешающий своими шутовскими выходками [2: 644]. Данное значение может сблизить этих весельчаков с европейскими шутами, которые находились при дворе и не только развлекали короля и его свиту, но и выполняли другие функции: ухаживали за животными, доставляли письма, вели воспитательные беседы и др. Д. Лихачёв считал одним из парадоксов древнерусской культуры на различных придворных церемониях присутствие, наряду с придворным распорядителем,

шута, который мог позволить себе противостоять традициям этикета.

Эту же мысль подтверждает Т. М. Степанова, приводя в пример произведение древнерусской литературы «Слово Даниила Заточника», где, высмеивая пути к «достижению жизненного благополучия» и потешая князя (выступая в роли шута или скомороха), автор критикует неуместные шутки [3:75]. Е. Е. Герцман считает, что употребление данных терминов в качестве синонимов является все-таки некорректным, поскольку понятие «шутство» — это явление в целом, а «скоморошество» — лишь элемент народной культуры [4:63]. Вопросы, касающиеся творчества скоморохов, отражены также в работах А. М. Панченко, А. А. Белкина, И.Д. Беляева, Н. В. Виночкиной, Л. Ф. Саттаровой и др.

Искусство скоморохов в его различных формах привлекает внимание не только фольклористов, но и историков, деятелей культуры. А. В. Аргов, к примеру, в своём диссертационном исследовании выделяет основные источники для анализа культурных смыслов русского скоморошества, указывая на социальную роль скоморохов в борьбе с ложью и несправедливостью [5]. Т. М. Миллионщикова находит следы существования скоморошества в календарно-обрядовой поэзии, где образы скоморохов, наделенные мифологическими чертами, выполняли дидактические задачи [6].

Несмотря на то, что существует обширная литература, роль скоморохов в культурно-исторической реальности освещена не в полной мере. Во внимании нуждаются также новаторство скоморошества в области художественного творчества и жанровые особенности их самобытных произведений. Этим определяется поставленная цель - выявление значения скоморошества как элемента народного фольклора, выполнявшего на протяжении ряда столетий важнейшую социальную функцию и сыгравшего в то же время большую роль в развитии русского народного поэтического искусства слова.

Материалы и методы.

Основным материалом для исследования послужили тексты календарно-обрядовой поэзии, былины «Добрыня Никитич и Алёша Попович», «Вавила и скоморохи, скоморошины «Гость Терентище», сказки «Скоморох», а также народная драма «Мнимый барин», произведения древнерусской литературы «Моление Даниила Заточника», «Житие протопопа Аввакума», в которых отражены особенности смеховой культуры скоморохов. С целью выявления социальной значимости скоморошества на различных этапах развития общества, а также для определения особенностей творческого мастерства его деятелей были использованы культурно-исторический и герменевтический методы исследования. На основе общенаучного метода обобщения были сделаны выводы.

Результаты.

Творчество скоморохов занимает важное место в развитии фольклорных жанров: календарно-обрядовой поэзии, эпоса, народного театра, ставших памятниками древнерусской литературы. Значимым направлением их деятельности становится отражение социальной реальности и решение различных нравственно-этических проблем. Скоморошество, как показывает анализ, противостояло посредством смеховой культуры

официальному мировоззрению, и оно по праву превращается в проповедника настоящей правды на Руси. Об этом свидетельствует то, что скоморохи подвергались гонениям со стороны властей и церкви. Вместе с этим необходимо учесть, что деятельность, связанная со скоморошеством, содействовала формированию смеховой культуры и тем самым значительно обогатила русское народное поэтическое творчество.

Обсуждение.

Самое раннее упоминание о скоморохах можно отнести к XI веку. Оно присутствует во фресковой живописи Софиевского собора в Киеве, в древних летописях. Но нельзя считать, что до принятия христианства на Руси не существовало скоморошества. По версии А. И. Пономарёва, «при культе языческом несомненно был и свой ритуал, своя обрядность, в которой, как и вообще в язычестве, песни и пляски составляли главную его и существенную часть; но, вероятно, были также и лица, выделявшиеся особенной ловкостью и умением в выполнении этой части, а также знанием и истолкованием всех ритуальных подробностей. При отсутствии жрецов, специально наблюдающих за выполнением требований культа и соблюдением обрядов, существование таких лиц, получавших особое значение, вполне естественно. И очень может быть, что из них-то и выродились ... скоморохи» [7: 297].

На наш взгляд, такая версия может быть правдивой, если вспомнить, как проходили святочные гулянья на Руси в Рождественские праздники. Ряженые в масках зверей ходили по дворам, водили за собой медведя, козу, козла, а также быка, являющегося у древних племен культом силы и плодородия. Устраивая целые представления, они просили у хозяев различные угощения и плату за развлечения. Среди них и были особые люди, которые могли не только представить яркое зрелище,

пожелать хозяевам здоровья, богатого урожая, но и запугать, уличить в жадности:

*Кто не даст пирога,
Уведём корову за рога,
Кто не даст пирога,
Тому куриная нога,
Гроб, да лопата,
Да корова горбата [8: 180].*

Участие скоморохов в празднике Масленицы, Пасхи также не обходилось без участия скоморохов, называемых волочечниками (людьми, славившими Христа):

*По улице по широкой
Христос воскрес, сын Божий.
Не шум шумит, не гром гремит,
Христос воскрес, сын Божий.
Шумят, гремят волочечнич(и)
ки [9: 212].*

Появление волочечников являлось добрым знаком для крестьян, хорошей приметой для будущего урожая. Летние обрядовые праздники (хороводы, игрища на Ивана Купала и др.) также совершались вместе со скоморохами:

*— Чем ты, улка, изукрашена? —
— Все гудками да волынками,
Веселыми скоморохами,
Удалыми добрыми молодцами,
Душами красными девицами [10:
17].*

Целый ряд календарных праздников, зимних и весенних обходов дворов, был связан с участием организованных групп молодых мужчин и юношей. В самых поздних свидетельствах их роль обозначается как развлекательная [5: 26]. Вместе с тем, скоморохи отличались от местных молодых людей тем, что они могли не только веселиться со всеми, но и посмеяться над кем-то из присутствующих и сообщить правду. Одной из традиций смеховой культуры скоморошества был прием профессиональной самонасмешки, саморазоблачения и самокритики. Характерно, что в тексты веселых и беззаботных приговоров проникают мотивы бедности и нищеты. О невесте, к примеру, так говорилось в одном из них: «Она у вас

жила — не мёд пила, и к нам приедет — не сахар есть будет. Мы ваше чадо увезём в нищенское стадо» [11: 104]. Иногда, кроме величания, как это было принято на свадебных пирах, высмеивались глупость и заносчивость невесты или скупость жениха и его родни.

Ярким примером разоблачения человеческих пороков могут служить скоморошины - виды русского песенного (стихотворного) фольклора с сатирическим или комическим смыслом. Так, в скоморошине «Гость Терентище» герои помогают купцу раскрыть обман молодой жены Авдотьи Ивановны, которая, притворившись больной, посылает мужа за доктором, чтобы поразвлечься в его отсутствие. Отправившись на поиски врача, купец по дороге встречает скоморохов, «людей вежливых». Узнав о болезни жены, «веселые молодцы догадались», а «сами усмеянулись» и пообещали помочь ему «вылечить» жену». Посадив купца в шелковый мех, пошли они в дом его и сказали жене, что муж её мёртвый лежит у моста Калинова. Жена обрадовалась, что нет в живых её старого мужа. А скоморохи тем временем обратились к купцу с такими словами:

*Вставай-ка, Терентище,
Бери дубину ременчатую, -
А лечи-ка ты, Терентище,
А лечи-ка ты молодую жену [12:
23].*

За «правду великую» отблагодарил купец скоморохов, которые показаны здесь как обличители лжи и несправедливости.

В былинах «Добрыня Никитич и Алёша Попович», чтобы раскрыть истинную правду и уличить во лжи своего крёстного брата Алёшу Поповича, богатырь Добрыня, переодевшись в скомороха, приходит на свадебный пир, где его жена Настасья Микулична по принуждению выходит замуж за Алёшу. Оказывается, что на пирах для скоморохов выделялось особое место, обычно у печки. Они могли без приглашения

прийти на любой праздник к князю. Поэтому Добрыня и появляется здесь в таком образе. А когда поднесли скомороху вина, «спускал он в чару перстень злачёный, которым с ней обручался». Увидев перстень, Настасья Микулична сразу узнала в незнакомце своего мужа и отказалась идти замуж за Алешу Поповича. Добрыня Никитич восстанавливает таким образом справедливость и возвращает свою жену, обвиняя в пособничестве князя Владимира, которому он двенадцать лет служил верой и правдой. Конфликт, как видно, наполняется новым содержанием. Он оказывается направлен не только на осуждение отрицательных нравственных качеств, но и на решение социальных проблем, что значительно усиливает художественную проблемность произведения.

Показательны также образы скоморохов в былинае «Вавила и скоморохи», где прослеживается сказочный мотив - наказание за зло и награждение за добро. Главный герой Вавила, несмотря на честное желание сеять пшеницу и кормить свою любимую матушку, соглашается пойти со скоморохами, чтобы одолеть игрой на гудочке царя Собаку и его родственников:

*Видит: люди тут да не простые,
Не простые люди-то, святые;*

Он походит с ними да скоморошить [13: 265].

По дороге они встречают двух мужиков и девушку. Мужики, узнав, куда направляются скоморохи с Вавилой, пытаются запугать их:

*У того царя да у Собаки
А окол двора да тын залезной,
А на кажной тут да на тычиньки*

*По человекей-то сидит головки,
А на трёх ведь на тычинках
Ещё нет человеческих тут головок;*

Тут и вашим-то да быть головкам [13: 266].

За такие неприветливые слова скоморохи наказывают их, заиграв на гудочке, словно на волшебной

дудочке, после чего одному из мужиков птицы склевали весь горох, который он намолотил, у другого, как оказалось, горшки для продажи превратились в черепки. И только после случившегося с ними каждый из мужиков начинает думать о том, что на самом деле произошло и начинают сожалеть о содеянном.

Характерен и другой эпизод. Скоморохи далее встречают «красну девицу», которая желает им добра и победы над злым царём. Холсты, которые она полоскала во время игры скоморохов, тут же, как в сказке, превращаются в атлас и шелка. За произошедшее чудо она называет их святыми людьми. В конце скоморохи выигрывают состязание. Царство правителя Собаки сгорает, а новым господином становится честный и добрый Вавила. Так в былинае выражена в поэтической форме народная мечта о счастье и социальной справедливости. А воплотить эту мечту в жизнь помогают «святые» люди - скоморохи.

Сюжеты, в которых отражается алчность царя и добропорядочность скомороха, часто встречаются в произведениях русского народного творчества. В сказке «Скоморох» царь издаёт указ, чтобы ему рассказали сказку, которую он не слышивал, за что обещает победителю полцарства и царевну. Несмотря на препятствия, учиненные царем и его придворными, скоморох выигрывает состязание. Царь снова идет на обман, он соглашается дать победителю деньги вместо полцарства. Но скоморох гордо отказывается от богатства: «Не надо мне золота, не надо и царства, дарю без отдарка! – и пошёл в кабак с песнями». Скоморох, как видно, представлен в сказке, как мудрый, благородный и бескорыстный человек, вступивший в социальный конфликт с самим царём и одержавший над ним моральную победу.

Показательно, что к концу XVII - началу XVIII века скоморошество как форма смеховой культуры

трансформировалось. В нём стали появляться зрелищные черты, в результате чего скоморошья игрища преобразуются в развлечения, ориентированные на зрителя, демократическую публику. Всё это еще больше способствовало усилению общественной значимости произведений, что привело к созданию драмы с глубоким проблемным содержанием. В результате в шестидесятые годы XVII века на Руси появляется театральное искусство, в котором еще больше отразились тенденции смеховой культуры [14: 16].

Среди форм театрального искусства, в которых прослеживаются черты скоморошества, можно выделить, в первую очередь, театр Петрушки. Образная речь этого озорного и остроумного героя, несмотря на кажущуюся беззаботность его содержания, была острой и злободневной, направленной против социальной несправедливости.

На основе богатой театральной традиции фольклора появляется и народная драма, в которой играли живые актеры. Среди них можно было легко узнать скоморохов. В сюжетах народных драм отражаются в сатирической форме представители господствующего класса. Так, в народной драме «Мнимый барин» разыгрывается сцена разоблачения трактирщиком барина, который пытается казаться богатым и респектабельным в глазах дамы, в сопровождении которой приходит в трактир. Смех вызывает незадачливый представитель господствующего класса, который явился в заведение без денег и не может расплатиться. Важно, что в таком контексте поднимается острая социальная проблема. В разговоре со старостой барин узнаёт, что в его имении на семь дворов один топор, а дома такие «большие», что «собаки бегут мимо и в окошки глядят», крестьяне всей деревней пашут на одной сохе, которая пристегнута к одной козе, копны сена у господина такие, что курица может их запросто

перешагнуть. Все это староста говорит барину втихаря, а громко сообщает, что всё у него в имении в порядке. В этом эпизоде налицо открытый протест против существующих порядков. Бродячий люд в лице скоморохов был, таким образом, живым проводником того, что называют «общественным мнением», он служил выразителем народной воли и, за отсутствием письменной литературы, являлся «хранителем и двигателем» народного поэтического творчества [15: 77].

Часть древнерусских произведений была представлена церковной литературой. Отношение к скоморохам в них оказывается, в основном, отрицательным. В то же время древние фрески Софийского собора в Киеве, построенного при Ярославе Мудром, сохранили изображение играющих и пляшущих скоморохов. Показательно и то, что царь Иван Грозный в самом начале своего правления часто приглашал на свои пиры скоморохов и с удовольствием с ними веселился. Но известно и другое. Первое упоминание слова «скоморох» отмечено в «Повести временных лет» (1068), где осуждаются их языческие игры и указывается, что дьявол «всякими хитростями отвращает нас от Бога трубами и скоморохами...». Неодобрительные отзывы о скоморошьях забавах встречаются и в таких произведениях древнерусской литературы, как «О некоем скоморасе, хулившем пречистую Богородицу», «О жене, исцелившейся молитвами святого Сергея Радонежского», «Житие Исакия Печерского», «Житие святого Нифонта», «Житие Ивана Неронова», «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и др. В известном древнерусском памятнике XVI века «Домострой», составленном священником Сильвестром, говорится, что скоморохи «всякое скаредие творят и всякие бесовские дела...».

Такое отношение к скоморохам со стороны церкви объясняется

неприятием ими смирения и их борьбой против бесправного положения народных масс. Показательно, что порой их ставили в один ряд с юродивыми, которые обладали удивительной прозорливостью и не боялись открыто сказать правду даже царю. Многие из известных исторических лиц древней Руси, например протопоп Аввакум, для привлечения к себе внимания влиятельных лиц использовали формы скоморошьяго смеха. Сатирическое изображение действительности, ироничный тон, шутливое обыгрывание своего нищенского положения – всё это являлось чертами, указывающими на принадлежность скоморохов к веками устоявшемуся «цеху», удивительного профессионального сообщества [16: 112].

Выводы.

Представленные результаты исследования не могут дать

исчерпывающих ответов на вопросы, касающиеся многогранного творчества скоморохов. В дальнейших исследованиях предстоит рассмотреть их мастерство на материале семейно-обрядовой поэзии, лирических песен, эпических произведений, а также других памятников древнерусской литературы более позднего периода. Важным аспектом исследования может оказаться эволюция скоморошества как элемента и составной части русского народного фольклора. Это требует анализа своеобразия жанров и стилей, что может помочь провести их структурно-типологическую квалификацию. Такая аналитическая работа необходима для выяснения на новом уровне особенностей скоморошества как смеховой культуры и обозначения его роли и значения в развитии и обогащении русского поэтического творчества.

Примечания:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р-Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Русский язык, 1984. 815 с.
3. Степанова Т.М., Зухба С.Л. Д.С. Лихачев о фольклорной модели мира в древнерусской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 1. С. 73-77.
4. Герцман Е.Е., Карымова С.М. К вопросу об этимологии и дифференциации понятий «шут» и «скоморох» // European Journal of Arts. 2017. № 1. С. 63.
5. Аргов А.В. Культурные смыслы русского скоморошества: автореф. дис. ... канд. культурологических наук. СПб., 2015. 21 с.
6. Миллионщикова Т.М. Русский фольклор: сборник / РАН; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). СПб.: Наука, 1993. Т. 27: Межэтнические фольклорные связи / отв. ред. С.Н. Азбелев. 335 с. Библиогр. в конце отд. ст // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.: Литературоведение. 1995. № 3. С. 85-94.
7. Пономарёв А.П. Поучения о разных истинах веры, жизни и благочестия: слова на св. Четыредесятницу; Поучения и слова против язычества и народных суеверий: с объяснительными статьями и примечаниями проф. П.В. Владимирова, Е.В. Петухова, А.И. Пономарева. СПб., 1897. Вып. 3. С. 297-298.
8. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / сост. М.Н. Мельников. Новосибирск, 1981. 351 с.
9. Потешки. Считалки. Небылицы / сост., авт. вступ. статьи и примеч. А.Н. Мартынова. М.: Современник, 1989. 365 с.
10. Соколов М.Е. Великорусские весенние и хороводные песни. Записанные в Саратовской губернии. Владимир, 1907. № 14 (ср. № 15). С. 17.
11. Аргентов Г. (Серебрянников В.Н.): Наговоры дружки на свадьбе. Наговоры дружки // Прикамье. 1941. № 2. С. 101-104.

12. Скоморошины: сборник. М.: Эксмо, 2007. 439 с. URL: <https://coollib.com/b/94907>
13. Былины: сборник / сост. В.И. Чичеров, П.Д. Ухов. М.: Детская литература, 1969. 303 с.
14. Пешкова А.В. Русская смеховая культура: истоки и становление (XI-XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. культурологических наук. М., 2004. 22 с.
15. Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни. Т. 1: Очерки истории музыки в России в культурно-общественном отношении. СПб., 1879. 360 с.
16. Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор (к постановке проблемы) // ТОДРЛ. 1949. Т. VII. С. 3-16.

References:

1. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Vol. 4. R-Ya. M.: RIPOL classic, 2006. 672 pp.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions. M.: Russky yazyk, 1984. 815 pp.
3. Stepanova T.M., Zukhba S.L. D.S. Likhachev about the folklore model of the world in the Old Russian literature // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Arts. 2012. Iss. 1. P. 73-77.
4. Gertsman E.E., Karymova S.M. On the question about the etymology and differentiation of the concepts of “fool” and “buffoon” // European Journal of Arts. 2017. No. 1. P. 63.
5. Argov A.V. Cultural meanings of Russian buffoonery: Diss. abstract for the Cand. of Cultural sciences degree. Saint Petersburg, 2015. 21 pp.
6. Millionshchikova T.M. Russian folklore: collection / RAS; Institute of Russian Literature (Pushkin House). St. Petersburg: Nauka, 1993. Vol. 27: Interethnic folklore relations / executive ed. by Azbelev S.N. 335 pp. Bibliography is at the end of the article // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 7: Literary Studies, 1995. No. 3. P. 85-94.
7. Ponomaryov A.P. Teachings on different truths of faith, life and piety: words on St. Lenten Week; Teachings and words against paganism and popular superstitions: with explanatory articles and notes by Professors P.V. Vladimirov, E.V. Petukhov and A.I. Ponomaryov. St. Petersburg, 1897. Iss. 3. P. 297-298.
8. Calendar and ritual poetry of Siberians / comp. by M.N. Melnikov. Novosibirsk, 1981. 351 pp.
9. Nursery rhymes. Countings. Tall tales /comp., author's intr. articles and notes by A.N. Martynov. M.: Sovremennik, 1989. P. 212.
10. Sokolov M.E. Great Russian spring and round dance songs. Recorded in the Saratov province. Vladimir, 1907. No. 14 (sr. No. 15). P. 17.
11. Argentov G. (Serebrennikov V. N.): Spells of the bridesmaid at the wedding. Spells of the bridesmaid // Prikamye, 1941. No. 2. P. 101-104.
12. Skomoroshiny: collection. Moscow: Eksmo, 2007. 439 pp. Access mode: URL: <https://coollib.com/b/94907>.
13. Epics: collection / comp. by V.I. Chicherov, P.D. Ukhov. M.: Detskaya literatura, 1969. 303 pp.
14. Peshkova A.V. Russian laughing culture: Origins and formation (XI-XVIII centuries): Diss. abstract for the Cand. of Cultural sciences degree. M., 2004. 22 pp.
15. Mikhnevich V.O. Historical sketches of Russian life. Vol. 1. Essays on the history of music in Russia in cultural and social terms. St. Petersburg, 1879. 360 pp.
16. Adrianova-Peretz V.P. Ancient Russian literature and folklore (On the statement of the problem) // TODRL, 1949. Vol. VII. P. 3-16.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 20. 06.2023.

The paper was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

© Л. П. Бессонова, Ю. А. Ашинова, 2023